
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Игорь Викторович Карлов — наш постоянный автор. В настоящее время работает учителем русского языка и литературы в школе при посольстве Российской Федерации в Республике Мозамбик.

Вот оно. Вот показалось, и стало ясно: все идет, как надо. Первоначально, без рассуждений, без рефлексии, возникла уверенность: в мире и впрямь все по замыслу. А лишь потом внятно осозналось, что именно дает ощущение надежного покоя — увиденное вдалеке поле золотистой пшеницы. Нечто глубинное, таящееся в той всеобщей памяти, которая коренится в перелесках, холмах, синем небе и белых облаках, подсказывает: раз уж растут хлеба на родной земле, есть надежда на лучшее. Все кажущиеся прочными устои эфемерны, и завтра, того и гляди, побредешь с сумой по городам и весям, бородатый и нечесаный, станешь пугалом для мирных обывателей. Можешь сорваться в запой, можешь уехать за море, потерять любовь и радость жизни, испаскудиться до последней степени, заплывть жиром, стать мытарем или судьей, можешь оказаться в узилище, а можешь уйти от людей в пустыню и там стенать, проклиная стену непонимания между тобой и окружающими,— все может случиться. Но вызревающее пшеничное поле в любых тяготах останется твоей путеводной звездой, твоим оправданием и конечным прощением. Самым потаенным уголком сознания понимаешь... Нет, не так! Не понимаешь, а, скорее, чуешь. Да, чуешь, но не как зверь, а как человек, лучший по отношению к тебе сегодняшнему, чуешь великую правду в неспешно наливающимися колосьях; угадываешь, прозреваешь всем составом своей личности, что добывать хлеб насущный в поте лица своего — не только вековечное наказание за первородный грех, но и благо, дарованное роду людскому. Даже если не ты вспахивал поле, не сеял зерно, и не тебе жать ниву, но коли есть еще те, кто сделает это, то и для тебя не все потеряно, и ты сподобишься, пусть в будущей жизни, причаститься к высшей справедливости. Вдруг становится зримо наглядной Его притча о зерне, вдруг озаряет: умереть — не страшно.

Так внезапно, без связи с предыдущими событиями дня, подойдя к меже между тленом и нетленностью, отрешаешься от всего бренного и ощущаешь несокрушимую

свою силу среди зыбкости дольного мира. Глядя на то, как любовно соприкасаются колосья, слушая вскипающий звук их безбрежного сожития, растворяясь в пучине пшеничного океана, утрачиваешь интерес ко всему преходящему, и только лишь отражаешь холмы, перелески, небо... Но оказывается, что обретенное могущество невыносимо тяжело, доколе не расточилась форма твоего физического существования, наросшая вокруг души с момента рождения. Созерцание бессмертия, покуда ты еще по сию сторону, приносит не взыскуемую долгожданную негу, а странное величественное безразличие и к своему собственному уделу, и ко всему окружающему, кроме золотящегося поля. Пока еще ты таков как есть, из плоти и крови, отстраненность безмятежной гармонии враждебно соседствует в сердце с фантомной болью изломов твоей судьбы, несчастий, испытанных ближними и дальними, страданий, терзающих человечество. Долго находиться в таком положении невозможно — необходимо на что-то решаться. Остается сделать последний шаг и погрузиться навечно в волны злаков, слиться с бесконечностью, однако человеческая сущность, убоявшись того, тянет назад, из хлебных хлябей на твердь проселочной дороги, ведущей к дому, где ждут тебя к ужину, где становится так уютно, когда зажигают лампу, и пятно желтого света из-под старомодного абажура чуть замедленно падает на стол, вызывая из небытия надрезанный каравай, кувшин с молоком и бутылку вина.

Белла Верникова
(г. Иерусалим, Израиль)

СПУСТИТЬСЯ К РЕКЕ НАДЫШАТЬСЯ
(Поэма)

Белла Верникова, поэт, эссеист, художник, историк литературы, живет в Иерусалиме. Родилась и жила в Одессе, в Израиле с 1992 г. Входит в редколлегию одесского альманаха иудаики «Мория». Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах России («Юность», «Арион», «Сетевая Словесность», «Топос», «Бег»), Украины («Радуга», «Дерибасовская-Ришельевская»), Израиля («Иерусалимский журнал», «22», «Артикль»), Англии («Modern Poetry in Translation»), Италии («Другие берега»), Японии («Hokusei review»), США («Интерпоэзия», «Confrontation», «Metamorphoses»), в антологиях современной поэзии. Стихи переведены на английский и японский языки. Журнальные публикации и графика открыты в Интернете.

*Памяти Ефима Исааковича Таубмана,
чьим именем назван Экологический семинар
«Таубмановские Чтения» в Одесском Доме Ученых*

1

мой лучший друг беседует с особой
о ней бы нужен разговор особый
зачем она в мои приходит сны?
я слабой оказалась, слабovolьной
в служебной тяжбе битой больно
и мучаюсь от собственной вины
мой друг, во сне особенно любимый
что значит, без него не стоит жить
особу эту назовет любимой во сне
я сплю
и горько сознавать
значение сна
и к стерве ревновать
и в жертву службе друга отдавать

не вещей сон, а сон-уведомленье
вобрал в себя беззвучное томленье
оно и сон из родственных стихий
поэтому так чувственно движенье руки
и к лацкану прикосновенье
и реплики протяжны, как стихи

по окраинной улочке городишка
 несется парнишка в моторных санях
 сестренка взялась его догонять
 отстала, смеется
 снег искрится
 сизая дымка вьется
 изобретатель саней тридцати с лишним лет
 подхватил дочку на руки, бежит к сыну...
 на этом любительскую картину прервали
 в зале включили свет
 и жюри обсуждает сюжет
 с точки зрения
 внедрения
 изобретения
 мнения самые разные
 конструктивна ли конструкция
 эффективен эффект
 не опасно ли детям с бензином возиться?
 и только один товарищ спросил
 зачем нашим детям травиться
 выхлопными газами?
 слава Богу, есть заснеженные поляны
 пусть на здоровье гуляют
 дышат морозным воздухом
 радуются природе
 надо с малолетства в народе
 пестовать экологическое сознание
 чтобы не было разрушительным созидание

члены жюри занимались науками
 и товарища быстро затюкали
 — это что же, назад в пещеры?
 вы забыли, что нынче время
 научно-технического прогресса
 его идеи овладевают всеми
 в обществе происходят глобальные процессы
 каждый гражданин должен разбираться в технике
 иначе толку не будет
 а красивая студентка сказала
 что среди ее знакомых есть люди
 не желающие водить машину
 что совсем не красит мужчину

товарищ, хотя и был упрям
 не смог противостоять технарям
 но пока местная промышленность
 освоит санки с мотором
 в этом маленьком городке

по улице с деревянным забором
можно спуститься к реке
и надышаться воздухом
свежим
стозвонным
прозорым

3

чудесные дети растут
такая естественность
и простота в общении
и жажда познания
живут, как читают с листа
и есть в них уверенность
та свобода
которая к нам приходит с годами

как белые планеры дети над нами
и тянут нас ввысь
упасть не дают и сорваться
пожалуйста, жизнь
доверчиво им улыбнись
им взрослым без нас на земле оставаться

Сергей Гора

(г. Линкольн, Калифорния, США)

**НАЗИДАТЕЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ
БАЛЛАДА О НЕСЧАСТЛИВОМ ЛЬВЕ**

Однажды в джунглях Африки центральной,
В тропической и знойной полосе,
Родился лев, здоровый и нормальный,
Обычный лев, такой же как и все.

Он с детства рос под ласковой опекой.
Жил не в пример другим земным зверям.
Был уважаем даже человеком:
Принадлежал-то, все-таки, к царям.

Все у него удачно выходило:
Он был ловчей гораздо, чем слоны,
Не уступал в коварстве крокодилам
И, как верблюд, не гнул своей спины.

Но время шло, и детская игривость,
Естественно, ушла на задний план.
Все чаще видел лев несправедливость,
Все чаще понимал, что жизнь — обман.

Вон, например, жирафы как зажили:
Хоть под присмотром ходят, но зато
Им в Красной книге место предложили
А, кто они в сравненьи с ним? — Никто!

Иль, вон, горилла, чтоб она пропала,
Ума — не густо,— а какой почет(!)
За то, что вдруг... случайно, угадала,
В каких кустах припрятали компот.

Лев поначалу жил в святой надежде,
Что время выправит загиб судьбы,
Пока не понял вдруг, что мир, как прежде,
Не украшает львом свои гербы...

Еще вдобавок засухи и войны:
Воды не стало, нет житься от пуль.

В итоге мор, а значит перебои
В «поставках» зебр и прочих, там, косуль.

«Не воздают царю законной дани —
Лев размышлял, в сердцах кусая хвост, —
Чтобы достать кусок приличной лани,
Приходится пилить за тыщу верст!»

...А Африка тем временем хирела,
Невыносимо стал песок горяч.
И льву однажды сильно надоело
Искать причины вечных неудач.

Он погрустнел, все реже удивлялся,
Согнулся весь под тяжестью невзгод,
И потому он не сопротивлялся,
Когда его арканил вертолет.

...Льва поместили в самой лучшей клетке:
Вокруг — порядок, чистота, комфорт.
Бросают детки пряники, конфетки,
А иногда, прям даже, целый торт.

Такого в Африке с огнем не сыщешь, —
Приятно все же, что не говори:
Охота есть — тебе приносят пищу
Захочешь самку — вот она, бери!

И лишь одно предчувствие томило,
И лишь одно сомненье грызло грудь:
Увидеть обезьяну, крокодила
Придется ли еще когда-нибудь?

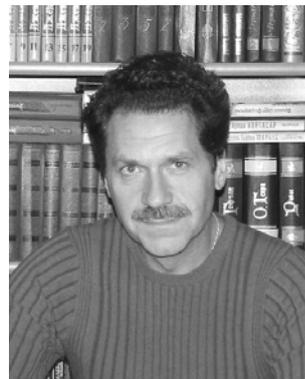
Случится ль вновь испить воды искристой
Под голубыми звездами в ночи?
...Хотя печаль излечивалась быстро:
Режим с достатком — лучшие врачи...

Решеток вид слепца не образумит:
Лев, как и прежде, верил в выбор свой.
Он сносно жил, но очень скоро умер,
Забывтый всеми и для всех чужой.

Я не хочу копать в львиной вере:
У всех в судьбе свой собственный излом...
Везде несложно называться зверем,
Но только в тропиках ты будешь Львом!

Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

Виталий Ковалев, профессиональный художник, живет в Юрмале (Латвия). Окончил Латвийскую Академию Художеств. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Волга — XXI век», является членом редколлегии журнала. Имеет публикации в различных интернет изданиях.

ЗАМЫСЕЛ

Морские волны далеко выкатываются на пустынный берег, пена шипит, искрится на осеннем солнце. Волны заливают впадины на берегу, образуя маленькие острова, материки и сверкающие на солнце озера, в которых отражается небо.

Я один стою на продуваемом ветром берегу. Никого вокруг. Уже давно я нахожусь в состоянии межрассказа, когда так трудно дается начало новой истории. Но, сегодня, то и дело, смутно видится какое-то детское лицо, блеск незнакомых глаз и слышится чей-то голос... Появляется замысел, и я начинаю мысленно писать рассказ...

«Я вошел в темную комнату, отодвинул, раздуваемую ветром занавеску и закрыл окно. В комнате прохладно. Ослепительно сверкнула молния, и показалось, что над домом раскололось небо. Капли дождя застучали по стеклу еще громче, и сильнее зашумело море. Маленькая Вероника не спит, лежит в кровати и смотрит в окно большими, испуганными глазами.

— А к нам не придет большая волна? Она не смоет наш дом? — спрашивает она, прислушиваясь к шуму моря.

— Таких больших волн здесь не бывает, — успокаиваю я ее, а сам с удивлением думаю, а ведь и я в детстве боялся большой волны, которая вздымается, растет на горизонте, движется стеной и грозит разрушить дом! Как я понимаю тебя, Вероника!

— Я хочу к вам с мамой, хочу к вам посерединке. Я буду тихо лежать.

— Ты придешь утром, — говорю я, целуя ее душистые после купания волосы, — придешь, когда я позову, а не так, как сегодня. Слышишь? И не смейся!.. Видишь, ты же большая девочка, — говорю я с улыбкой и выхожу, прикрыв за собой дверь. В спальне темно, я ложусь, и целую теплое плечо жены.

— Ее гром разбудил, — говорю я.

Она прижимается ко мне в темноте и шепчет:

— Ты помнишь, мы встретились такой же осенью? Так же шумело море, и дул сильный ветер...»

Чайки с криками носятся над волнами, то касаясь крыльями пенных гребней, то резко взмывая ввысь. Такую чайку нарисовать легко, надо взять на кисть светлый тон и коснуться кончиком кисти холста. А потом рука должна чуть дрогнуть.

Я стоял у самой воды и думал — неужели, что-то намечается? Но я все еще не знаю этих людей, о которых пишу, и я так и не увидел лицо этой женщины. Какая она? Как мне хочется ее разглядеть! Надо продолжить... И вдруг, я увидел...

«...В окно льется дымчатый столб лунного света. В темноте я словно слепой, коснулся пальцами ее лица, а потом протянул руку к светильнику, но она остановила меня.

— Я не хочу, чтобы ты видел меня сейчас,— горячо продышала она мне в шею.

— Сейчас меня не надо видеть, ведь это уже не я. Но я поправлюсь. Слышишь? Я сильная! Я не могу представить, что меня нет с вами...»

Рядом со мной на берегу стоят чайки, покачиваясь от ветра на тонких, как палочки, ножках, ветер смешно топорщит их перья. Остановившись среди чаек, я вспомнил о придуманной мною Веронике. Но, что же дальше? И что было до этого? Станный этот мир — воображение! А может, он такой же реальный, как и наш? Может, я ничего не придумываю, а заглядываю в параллельный мир... И может, сейчас, где-то далеко-далеко маленькая девочка осталась в ночи одна, она не спит, прислушивается к дождю, шуму волн. Может, и она меня почувствовала и верит, что я рядом... Я хочу туда вернуться. Сколько времени меня там не было? Минуту?.. Но это здесь. А там?.. И я увидел снова...

«...В комнате Вероники прохладно, ветер пузырем раздувает занавеску, я закрыл запахнутое окно, присел на ее кровать и погладил ее по голове.

— Тебе не холодно? Не открывай окно, видишь, какая буря. Почему у тебя волосы мокрые?

— Ветер так мотает куст жасмина, что даже прибивает его к земле! Я видела в окно.

— Не бойся! Хочешь, пойдём к нам с мамой? Ты же хотела к нам посерединке. Пойдем!

Вероника смотрит на меня со страхом.

— Что ты говоришь, папа? — прошептала она.

— А что я сказал?

— Зачем ты меня пугаешь? — промолвила она, едва не плача.

— Но что я такого сказал?

— Ведь мамы больше нет!.. Ведь она...»

Ветер несет по берегу тончайшую пелену песка, а к берегу движутся белые ряды волн. У каждой волны есть своя жизнь и потом — исчезновение. Далеко-далеко я вижу волну. Она мощная, кипучая, сбивается с другими волнами, ветер срывает с нее белую пену. Но она все ближе и ближе к неумолимому берегу, она набирает скорость, выкатывается на песчаный берег, и с шипением исчезает. Вот и нет ее, только лопаются на песке пузыри, в которых отражается заходящее солнце.

Я разглядел Веронику, теперь она мне кажется очень знакомой. Я теперь знаю эти карие глаза, длинные темные волосы, и чуть вздернутый носик, знаю крохотные родинки на щеке и на шее, и даже ее дыхание с легким ароматом шоколада мне так знакомо. И я даже знаю, что у нее на руке есть самодельный браслетик из синего, белого и красного бисера. Но, откуда я это знаю?!.. Ведь руки ее были под одеялом, и я никогда не видел ее рук...

«...Волны выкатываются к нашим ногам. Я обнимаю ее сзади, закрывая собой от ветра, целую ее волосы.

— Пойдем, ты замерзнешь,— шепчу я ей на ухо.

— Ничего, ты согреешь меня,— отвечает она, прижимаясь ко мне, и по голосу я понял, что она улыбнулась.— Уже чувствую, что ты хочешь согреть меня. Как хорошо это чувствовать! Где-то я читала, что в жизни каждой женщины рано или поздно наступает момент, когда осознание того, что ее хотят, становится для нее событием космического масштаба. Но ведь это ужасно — до такого дожить!

Я повернул ее к себе, пытаясь разглядеть, но ветер закрыл ее лицо темно-каштановыми волосами, и я поцеловал губы ее прямо через волосы.

— Что ты хочешь? Скажи! — прошептала она.

— Хочу тебя увидеть.

— Не надо этого делать. Так нам легче будет расстаться. Я ведь всего лишь твой мимолетный замысел, я — твой набросок. Но ведь в жизни все точно так же — все придумывают друг друга, сочиняют свою жизнь, пишут, комкают, и все начинают сначала. Я исчезну, как только ты подумаешь о чем-то другом, и это хорошо, что ты не увидел меня. Но, прошу тебя, еще чуть-чуть не думай о другом, дай мне побыть рядом с тобой. Дай мне немножечко пожить в твоём воображении. Ведь это так хорошо — жить!

— Как тебя зовут?

— Одиночество. Вот, мое имя.

— Но я хочу увидеть тебя.

— Одиночество можно только почувствовать.

— Я чувствую боль.

— Это — мое второе имя. А есть и третье — жизнь. Сейчас боль пройдет, сейчас мы расстанемся, я только сделаю еще несколько вдохов и... Пора! Пора тебе подумать о другом!..

— Я не могу тебя отпустить!

— Тебе и не надо меня отпускать. Меня нет. Ты выдумал меня...»

Вот мы и расстались. Жаль, что я так и не увидел тебя и не написал о тебе. Прости меня и ты, Вероника за то, что я не смог написать о тебе! Но я теперь вижу тебя так ясно, что ты для меня, как живая! Не знаю, в каком ты мире, не знаю, далеко ты, или близко, но, я знаю, как тебе сейчас одиноко там одной. Что мне сделать для тебя? Что? Но, кажется, я знаю, что надо сделать. Догадалась? Ты улыбнулась мне? Сейчас я сделаю это для тебя...

— Смотри, кто к нам пришел! — воскликнула она, отрываясь от моих губ.— Не сердись, мы с ней так долго спали вместе, что она никак не отвыкнет. Дай ей время.

Гром прокатился по небу, и ветер надавил на стекла. В сполохах молнии, Вероника скользнула между нами под одеяло, натянула его до подбородка и, недоверчиво глядя на меня, спросила:

— Мама, а он теперь всегда будет спать с нами?

— Он всегда будет с нами.

— Он что, будет моим папой?

— Он будет твоим.

И, когда снаружи послышался рев ветра, заглушаемый громом, я обнял их обеих.

Теперь все закончено и пусть остается таким навсегда. В иле я увидел маленький кусочек янтаря. Рассматривая его на свет, я увидел вдали молодую женщину и ребенка. Как я не заметил их раньше?! Маленькая девочка догоняла отступающие в море волны и убегала от них, когда они быстро выкатывались на берег. Как хорошо, что хоть кто-то появился на берегу. Девочка уже совсем близко.

— Ксения, иди сюда,— донесся до меня голос женщины, и тогда она повернулась ко мне.

И я увидел ее лицо.

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТО!..

Поводом к написанию этого текста послужили слова, которые я услышал в автобусе. На какие-то фразы одного из пассажиров об обороне Риги в 1941 году, прозвучало в ответ:

— Да какая там оборона!.. Сдали город без боя...

Я, для проверки, спросил у множества людей, что им известно об обороне Риги? К моему удивлению, никто ничего не знал...

* * *

1 июля 1941 года в Риге на Московском форштадте произошел последний бой за Ригу. Небольшая часть Красной Армии, прикрывая отход основных сил, приняла бой с превосходящими силами противника. Все обороняющиеся погибли. Земле их предал приход храма св. Иоанна Крестителя, и на их могиле был поставлен памятник павшим с православным крестом. Это первый в истории памятник павшим воинам в Великой Отечественной Войне, исполненный в виде православного креста. Я позволю себе повториться... Вдумайтесь в это — первый памятник воинам, павшим в боях с фашистами, был поставлен в 1941 году в оккупированной фашистами Риге!.. Он сохранился до наших дней.

Я часто захожу на Ивановское кладбище у храма св. Иоанна Крестителя и прохожу мимо могил воинов. Здесь есть место с общим захоронением 150-ти безымянных солдат. Есть отдельные захоронения «неизвестных» воинов. А далее идут ряды могил с именами на каменных плитах. Основной массе солдат было от 18 до 21 года.

Мое внимание привлекло и то, что на большинстве плит была указана дата гибели — 30 июня 1941 года. Что же произошло 30 июня, и что происходило в предшествующие этой дате дни, на улицах, по которым я так часто хожу?

26-е июня.

Германская армия приближалась к Риге со стороны Елгавы, в это же время части Красной Армии отступали по Баускому шоссе.

— Вечером 26 июня,— вспоминает заместитель командира 3-го батальона Жанис Фолманис (Грива),— мы получили оружие: винтовки, патроны, ручные гранаты и автоматы. Оружие было разных систем и устаревшее... Получение оружия приподняло настроение гвардейцев... Вся ночь на 27 июня прошла в лихорадочной работе. Гвардейцы учились обращаться с оружием, особенно, с гранатами и автоматами, так как среди нас было мало таких, кто хорошо умел ими пользоваться. Для защиты Риги и прикрытия отступления советских частей, в городе было оставлено 1000 бойцов и командиров.

27-е июня.

Бои за Ригу протекали в крайне невыгодных условиях для советских войск. Один из трех мостов был захвачен противником. Возникла серьезная угроза захвата остальных. Переправлявшейся на северный берег 28-й танковой дивизии было приказано очистить этот район от противника и не допустить им захвата мостов. Танкисты действовали дерзко и решительно, в бою участвовал лично командир дивизии полковник И. Д. Черняховский. Уличные бои продолжались двое суток. По немецким источникам, в «битве за рижские мосты» вермахт потерял 532 человека только убитыми.

В журнале боевых действий немецкой армии группы «Норд» 29-го июня записано:
— Значительные силы противника перешли в наступление по ул. Слокас и про-
рвались к мосту. Вместе с тем начались уличные бои и возникли огромные потери,
поскольку в боях приняли участие вооруженные гражданские лица, стреляя из под-
валов и с крыш.

В середине дня немцы усилили артиллерийский и минометный огонь по перепра-
ве и подразделениям, занимающим оборону. Позиции защитников Риги непрерывно
обстреливала артиллерия, вражеские самолеты осыпали их бомбами. Всю набереж-
ную и Старый город затаило дымом. В такой обстановке бойцы рабочих батальонов
приняли бой. Особенно сильные бои происходили на ул. Акменю, ул. Валгума и
бульв. Узварас. В доме на углу улиц Валгума и Узварас пятьдесят красноармейцев и
офицеров долгое время боролись с превосходящими силами противника. Все они
погибли.

Небольшие отряды пограничников, подразделения зенитчиков и стрелков, а так-
же батальоны рабочей гвардии, обороняли мосты через реку против превосходящих
ударных сил противника. Пограничники и стрелки занимали открытые в мостовой
окопы и сложенные из булыжников баррикады. Бойцы готовили бутылки с зажига-
тельной смесью и связки гранат. Автоматчики и пулеметчики пополняли запасы па-
тронов и пулеметных лент. Стояли замаскированные пулеметы, повернув стволы в
сторону левого берега...

В ночь на 30 июня защитники Риги взорвали Понтонный и Земгальский мосты.
Железнодорожный мост взорвать не удалось из-за плохой подготовки к взрыву. По
этому мосту на правый берег Даугавы сумел прорваться поддержанный тремя броне-
транспортными передовой отряд врага, который пытался захватить здесь плацдарм,
но был уничтожен подразделениями 62-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизи-
и при поддержке рабочих отрядов.

30-е июня.

На территории Ивановского кладбища, депо и железнодорожных путей, 30 июня
1941 года, произошел самый тяжелый бой при обороне Риги, в котором с обеих сто-
рон погибли свыше двух тысяч солдат. Самые последние бои шли на кладбище. К
этому времени у защитников Риги закончились боеприпасы, и на территории клад-
бища шли массовые рукопашные бои. Трупы немецких солдат германская коменда-
тура подобрала сразу. Тела красноармейцев оставались лежать. На следующее утро
их подобрали местные жители...

* * *

Осенью, поздно вечером, я проходил мимо Ивановского кладбища и решил зай-
ти. Идя по сумрачной и пустынной аллее, я заметил среди могил молодую женщину,
она переходила от могилы к могиле и склонялась над ними. Видел, как она подошла
к могиле рижского старца протоиерея Иоанна Журавского и склонилась там тоже.
Издали я заметил, что на ней было странное длинное одеяние, и подумал — может,
это монахиня? Я дошел до захоронения воинов и стал читать знакомые уже мне име-
на на каменных плитах. Боковым зрением я заметил, что та женщина, приблизилась
ко мне, остановилась в двух метрах от меня, и так мы стояли с ней некоторое время
рядом. А потом она опустилась на колени перед плитами с именами солдат. Теперь я
смог ее разглядеть. Ей было лет 25—26, у нее были длинные светлые волосы, но са-
мое удивительное было то, что на ней был не плащ, как я решил вначале, а длинная

армейская плащ-палатка с маскировочной расцветкой! В полумраке, на пустынном кладбище, на молодой женщине... Это было так странно!..

Не скрою, что мне подумалось — вот начало любопытной истории!.. И как здорово было бы заговорить с этой женщиной, и узнать хоть что-то о ней. Хоть одно слово от нее услышать... Но она сидела неподвижно с закрытыми глазами, закутанная в плащ-палатку, и руки ее были сложены на коленях.

Внезапно, видимо почувствовав вибрацию в кармане, она достала маленький, ярко-желтый мобильный телефон и еле слышно быстро ответила по-латышски. Это тоже было неожиданностью.

А потом она, подавшись вперед, склонилась к земле, коснувшись ее локтями и, достав из полиэтиленового пакетика маленькие белые, простые светильники с фитилями, стала их зажигать. Совсем уже стемнело. Я постоял с ней некоторое время, и пошел к выходу с кладбища, а она осталась возле могил воинов одна.

Когда уходил, на одной из могил увидел надпись — УМЕР НЕ ТОТ, КТО ЗАРЫТ, А ТОТ, КТО ЗАБЫТ.

Вместо послесловия...

Тогда же, осенью, чтобы срезать путь, я снова проходил через Ивановское кладбище. Неподалеку от захоронения павших воинов я увидел пожилую женщину. С трудом передвигаясь, она садовыми ножницами остригала кустики вокруг одной из могил. Проходя мимо, я взглянул на могилу, и увидел, что она заброшена, камень есть, но время стерло надпись. Имя прочитать было невозможно.

— Знаете, кто здесь похоронен? — спросила меня женщина.

— Нет.

— А вон, видите захоронение солдат? Женщина, которая здесь похоронена, хранила всю войну их документы... Потому и имена потом смогли выбить на камнях. Когда-то давно меня попросили чуть подстригать эти кусты, чтобы могила совсем не заросла... Вы уж, если увидите, что зарастает, подстригите. Кто знает, сколько я еще смогу это делать...

— А как звали ее? — спросил я.

— Не знаю. И на камне уже не прочитать...

Ирина Мадрига

(г. Свалява, Закарпатье, Украина)

НЕПАРНЫЕ НОСКИ

Ирина Мадрига — журналист, живет на Закарпатье (Украина) в городе Свалява. Пишет стихи и прозу на русском и украинском языках. В 2009 году в издательстве «Карпатська вежа» («Карпатская башня») вышел первый роман «Завербованная любовь». Год спустя — две книги переводов современной русской прозы на украинский язык под общим названием «Мантриця», составленные из произведений авторов литературного портала Проза.ру.

В 2011 году приняла участие в написании «Поштаментального роману» («Почтовый роман»), в который включены более тридцати авторов не только Украины, но и других стран.

Ганя навещала в родную Ворохту дважды в год — на зимние и летние каникулы, умудрялась жить на одну стипендию, на все случаи жизни надевала одни джинсы, имела в личном гардеробе две переменные блузки, один толстенный свитер из овечьей шерсти на все сезоны и одну пару обуви на сезон.

В общежитии Ганя не чувствовала себя Золушкой. Она смотрела на мир, словно немного сверху, но не с пренебрежением, а с подобием врожденной философичности, что, впрочем, не мешало ей с удивлением и восхищением воспринимать этот мир. А еще у Гани всегда под рукой были три ореховых словца: «Никорак», «весилё»* — именно так, с ударением на последнем слоге, и особенное, упругое, как мячик-попрыгунчик, — «йохайды»** . Только вот не подумайте, что Ганя была похожа на Эллочку-людоедку. На самом-то деле, она была любимой студенткой профессора Вендзелевского. У него же любимцами становились исключительно одаренные личности, способные запомнить как минимум пять самых толстых словарей славянских языков и диалектов — от титульной страницы и до последней строки выходных данных. На четвертом курсе словарный запас Гани уже достиг необходимого профессорского минимума.

Никорак — это была фамилия односельчанина Гани — парня, которого она любила с пятого класса и до пятого курса, а может, и дольше — об этом история пока умалчивает. Известно лишь, что Никорак работал в местном колхозе механизатором широкого профиля и заочно учился в вузе.

Весиле — это была вполне выполнимая Ганина мечта, связанная с Никораком. Йохайды — все остальное, что вызывало у Гани удивление, восторг и разочарование. Никорак писал Гане письма, в которых она красным исправляла орфографические ошибки и отсылала обратно, обещая устроить любимому экзаменационный диктант, как только придет время готовить весиле.

---

* Весиле — свадьба.

** Йохайды — не переводится.

Употребление слов «Никорак» и «весиле» происходило преимущественно один раз в неделю, когда Гане от жениха приходило очередное письмо. «Йохайды» было куда как более в ходу.

Но наиболее мощно оно прозвучало в Ганином исполнении в один из январских вечеров, когда моя соседка по комнате вернулась с зимних ворохтянских каникул и привезла по просьбе профессора Вендзеливского произведение настоящего гуцульского искусства — мохнатый радужно окрашенный лижнык*.

Бросив под стол тощую дорожную сумку, Ганя по-родственному приласкала толстый свиток, обернутый мешковиной, прижав его к груди.

— Вот, лижнычек, поедем сейчас к Вендзеливскому. Представляете, девочки, я — у профессора! Надо же, йохайды! — Ганин восторг не помещался в тесной общаговской комнате. — Да, не мешало бы носки найти, иначе ноги замерзнут.

Носки у Гани имелись, и все разные, непарные. Ганя задумалась, как разрешить ситуацию — чтобы и ноги не обморозить на январской стуже, и перед профессором лицом в грязь не ударить. Предположила, что однотонные — это лучше, элегантнее, нежели пестрые. Устроили ее черный и красный. Уверенно впихнула ноги в сапоги:

— В конце концов, не на весиле собираюсь, — успокоила себя.

Милочка улыбнулась язвительно:

— А может, мои возьмешь, вон они, на батарее, высохли...

— Да, йохайды, обойдусь. С этими профессорами — голова кругом. А по мне, главное — чтобы ногам было тепло.

...Прошло четыре часа. Мы с Милочкой на сон грядущий делились мнениями о том, что за истекшее время в Ужгороде можно было обегать уже всех профессоров, при условии, чтобы лижныков на всех хватило. Вдруг дверь отчаянно распахнулась, Ганя прямо в пальто упала на крайнюю кровать.

— Й-й-й-йох-хай-ддды! Стяните же с меня сапоги!

Мы с Милочкой потянули каждая по сапогу, из которых показались Ганины многострадальные ножки. Пальцы на них были поджаты к стопе и посинели. Носков на ногах не было. Сеанс массажа ног в четыре руки сопровождался Ганиным рассказом.

— Ну, а что думаете, йохайды? Профессор же. Пригласил в дом. Добро пожаловать, Ганя, проходите в гостиную, будем ужинать. А там стол накрыт, как на весиле. Жена у него радушная. Вот вам, Ганя, тапочки — у самых ног кладет. А я довольна: хорошо, что свет в прихожей слабенький, на стене махонькое бра чуть брезжит, хозяйева на минуту одну оставили. Сбросила сапоги и заодно носки. Затолкала их в носы сапог, и все дела. Откушала деликатесов за профессорским столом. Это, скажу вам, даже и не весиле в Ворохте, йохайды.

— Ганя, а почему так долго? Ты же могла уже часа два назад вернуться? — спрашиваю.

— Ты что думаешь, к профессору — все равно, что к Никораку на свидание? Это у меня с Никораком разговор лаконичный, как определение в толковом словаре: «Любишь?» — «Да люблю еще» — «Ну, смотри мне, йохайды». А у профессора... Ой, девочки, я млела от общения с ним! Это же... Это же... Йохайды, как он рассказывал об «Обратном словаре русского языка»! Купил на днях в «Кобзаре». Пожалуй, и я приобрету. А что? Дешево. Стоимость пяти пар носков — что там той зимы! А потом его жена расспрашивала меня, как лижныки делаются. Я ей и о кроснах**, и о бердо, и про валило, и про ливки*** нити... Она так удивлялась! Говорит, и слов таких не слышала отроду. Да была бы я профессорской женой, выучила бы все диалекты: моравские,

* Лижнык — толстое покрывало, вытканное из овечьей шерсти.

** Бердо, кросна, валило — приспособления для изготовления лижныка.

*** Ливки(е) — податливые.

сербско-лужицкие, архангельские, бойковские, подольские, да хоть и новгородско-псковские — без разницы.

— Лучшая жена для профессора — та, которая умело стол сервирует,— вердикт Милочки, как всегда, был ограниченным, однако проверен личным опытом, профессоров на дому она изредка посещала, в случаях неурядиц с зачеткой.

— Да, нет, Мила, жена у него образованная, математику преподает в школе, это тебе не бабуля из Ворохты. И представьте, так искренне удивляется, если чего-то не знает. Ну, точь-в-точь на меня смахивает, йохайды. Правда, стол я так не разукрашу, в деревне ведь все по-простому.

Ганя понемногу приходила в себя.

— Да не тяни, давай же финал,— нетерпеливо попросила я.

— Ну, да. Финал. Финал ты видишь,— показала на розовеющие, оживающие пальцы.— Но прежде надо было еще обуться. А тут, как нарочно, и профессор, и жена стоят надо мной в прихожей. Профессор пуфик придвинул: садитесь, Ганя, так обуваться удобнее. Какое там удобно, если я понятия не имею, как вытащить незаметно носки из сапог. Поджала пальцы и нырнула. А чертовы носки занимают чуть ли не полсапога. Поднялась с пуфика. Стою. Держу равновесие, будто на ходулях. Греет мыслишко: выйду, во дворе переобуюсь. А профессор — обхождение у него с молоком матери впитано, это не мой Никорак, говорит: вы, Ганя, не беспокойтесь, я вас провожу на автобусную остановку, на площадь Корятовича. Да йохайды, как же я дотопаю до Корятовича — это же полкилометра! А там еще с горки спускаться, а в пальцы будто штыри какие чертяка ввинчивает. Я уж не упоминаю о том, что автобус ждали мы с Вендзеливским минут сорок. Предлагаю: вы бы, может, шли домой, профессор, сама подожду. А тем временем прикидываю, много ли на площади людей глазеть будут на мое переобувание. А рейс последний, народу — пропасть, и все наши, общаговские, до конечной. Ну, ничего, думаю, в автобусе, как только водитель выключит свет при движении, вытащу носки из сапог и в карман засуну. Чтобы хоть на свою Голгофу — БАМ* доковылять.

— Удалось? — интересуюсь.

— Ага. Засунь руку в сапог.

Я вытащила из сапога красный носок.

... На следующий день Вендзеливский искал на кафедре свой, утепленный мехом, плащ.

— Так вот же висит, в котором вы утром пришли,— подсказала ему верная помощница Ганя, которая вместе с профессором составляла в тот день картотеку из свежих диалектных словечек, записанных ею в Ворохте.

Вендзеливский с недоумением осматривал плащ. Нахлобучил кое-как, тот оказался явно тесен в плечах и коротковат.

— Надо же, по ошибке утром плащ жены снял с вешалки.

Идти домой профессору пришлось в женском наряде. Среди бела дня. Впрочем, профессор не комплексовал, как Ганя с носками.

Прятели студенческих лет рассказывали мне, что профессора с университетской диалектологической экспедицией как-то задержали пограничники на украинско-румынской границе — как нарушителя. Им он представился, показав паспорт супруги, который неизвестно каким образом очутился в кармане его рубашки. А однажды, когда у профессора, судя по симптоматике, случилось предынфарктное состояние, диагностировали его самочувствие по анализам крови, неразборчиво выписанным на имя жены. Показатели биохимии жены были в норме. Профессору в поликлинике убедительно было заявлено: вы здоровы, работайте дальше. Предынфарктное состояние улетучилось без лечения. Но это уже должна быть другая история. Хотя и не менее поучительная.

---

* БАМ — микрорайон студенческого городка в Ужгороде.

Наум Ципис*
(г. Бремен, Германия)

СТИХИ ИЗ СТАРОЙ ПАПКИ

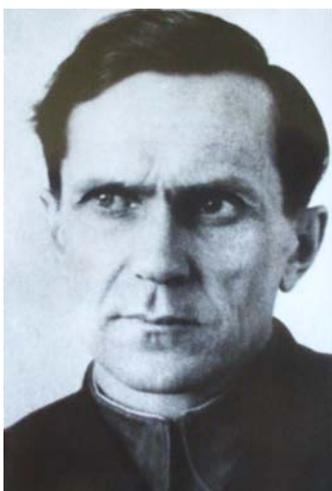
Мы часто употребляем выражение: «Пути господни неисповедимы». Мы говорим: «случай», «судьба» и не осознаем свою к этому причастность.

Жизнь богаче любой фантастики, и это — правда.

Мы встретились на приеме у врача. Оказалось, что и я, и Александр Сукальский, инженер из Донецка, оперировали свои сердца в одном госпитале. Слово за слово — он пригласил меня к себе домой.

Мы с женой пришли в гости и попали в веселую и шумную эмигрантскую компанию врачей, инженеров, учителей — москвичей, ленинградцев, киевлян... Столковавшись по «русскому» общению, я сразу почувствовал себя легко и свободно, словно вернулся в Минск.

Среди гостей был человек, который пользовался общим вниманием. Он был «своим» в любой теме разговора. Сын «врага народа», воспитанник спецдетдома, участник войны (в семнадцать лет ушел на фронт), выпускник Ленинградского института инженеров кино, Леон Траубе собрал большую библиотеку, создал прекрасные авторские фотоальбомы (чего стоит только один — «Решетки Ленинграда»...) У него несколько тысяч слайдов — архитектура городов, в которых он побывал: снимки Бремена, Парижа, Амстердама, Брюсселя...

Наше знакомство переросло в прочные теплые отношения. Однажды Леон спросил: «Вы любите Шаламова?» На что я ответил: «Любить его трудно. Я не был с ним знаком. Но его, по-моему, невозможно не уважать и невозможно им не восхищаться». «Хотите почитать его неизвестные стихи?» Наверное, у меня в тот момент было потерянное выражение лица: неизвестные стихи Шаламова в Бремене?!

За распространение завещания Ленина он, студент МГУ, был осужден, и семнадцать лет провел в лагерях и еще пять в ссылке. Только в 1956 году был реабилитирован. Знаменитые «Колымские рассказы», пять небольших сборников стихов — вот и все наследие.

В начале девяностых Шаламов не просто популярен — он стал моден. Ненавидевший всякую позу, он об этом уже не узнал.

Трагизм его судьбы был заpredelen. Поэт жертвенно определил свой жребий, написав 150 рассказов о зоне. Его слова: «Помните самое главное: лагерь — отрица-

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

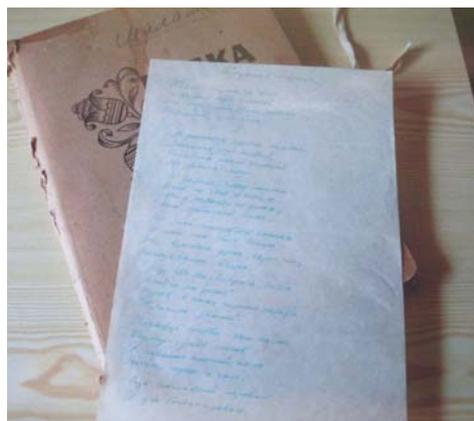
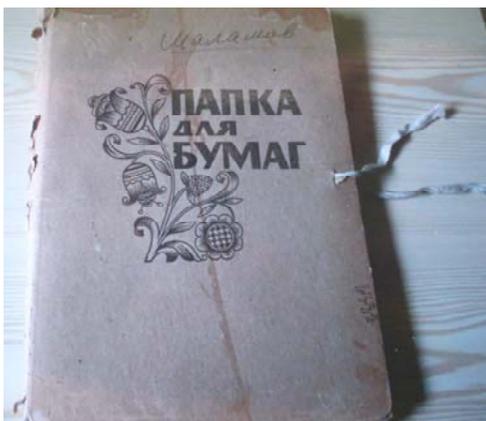
тельная школа с первого и до последнего дня для кого угодно. Человеку — ни начальнику, ни арестанту — не надо его видеть. Но уже если ты видел — надо сказать правду, как она ни была страшна. Со своей стороны, я давно решил, что всю мою оставшуюся жизнь я посвящу именно этой правде...»

И он посвятил себя этой правде до конца.

...Леон жил по соседству с Шаламовыми, дружил с дочерью поэта и его племянником. Отвоевав войну, молоденький авиационный техник вернулся в свой дом в Чистом переулке. Однажды — в 1951 году — Леон Траубе стал свидетелем такой сцены: в квартиру Шаламовых пришел человек и передал Галине Игнатьевне, жене поэта, небольшой бумажный сверток. «От вашего мужа».

Строчки из автобиографических заметок поэта: «В 1949 году я, работая фельдшером в лагере, попал в «лесную командировку» и все свободное время писал — на обороте старых рецептурных книг, на полосах оберточной бумаги, на каких-то кульках...» Сверток с этими стихами «коллега» поэта по ссылке и передал Галине Игнатьевне.

Шаламов опасался, что при полном его освобождении их могут отнять и уничтожить. Поэт просил жену перепечатать стихи на машинке в трех экземплярах: два отдать на хранение знакомым, а один оставить у себя. Перед смертью Галина Игнатьевна подарила Леону свой экземпляр — старую папку с напечатанными стихами мужа. Тогда еще не напечатанными... Их было ровно сто.

Так я встретился с «подпольными» стихами Варлама Шаламова и часть из них, с разрешения хозяина этой папки передаю редакции журнала «Приокские зори».

В конце этого предисловия не могу не привести только две цитаты из писем Пастернака Шаламову,

«Вы одна из редких моих радостей и в некоторых отношениях единственная».

«Я никогда не верну Вам синей тетрадки (стихи, посланные Шаламовым Пастернаку Н. Ц.) Это настоящие стихи самобытного поэта. Пусть лежит у меня рядом с томиком Блока. Нет-нет и загляну в нее. Этих вещей на свете так мало».

СТИХИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Сыплет снег и днем, и ночью.
Это, верно, строгий бог
Старых рукописей клочья
Смело вымел за порог.

Все, в чем он разочарован, —
Ворох песен и стихов, —
Увлечен работой новой,
Он сметает с облаков.

* * *

Я жег стихи холодной этой ночью
Я жег мои стихи, и жарким был огонь,
И в пламени костра изнемогали, корчась,
Слова, подсказанные мне тайгой.

Затем ли для меня уста ее раскрылись,
Чтоб этих букв обугленных тела,
Моих стихов трепещущие крылья,
Метель навеки замела?

А, впрочем, я их вовсе не жалею,
В них виден свет времен. И в них живет восторг
Заманчивой судьбы Бруно и Галилея —
В стихах, взведенных на костер.

* * *

С годами все безоговорочней
Суждений прежняя беспечность,
Что собранной по капле горечи
И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины,
И надоест подобострастье,
И мы придем, вернувшись с барщины,
Показывать Господни страсти.

И исполнители мистерии
В притихшем судорожном зале,
Мы были то, во что мы верили,
И то, что мы изображали.

И шепот наш, как усилителем,
Подхваченный сердечным эхом,
Как крик, ударит в уши зрителя
И будет вовсе не до смеха.

Ему покажут нашу сторону
По синей стрелочке компаса,
Где нас расклеивали вороны,
Добравшись до живого мяса.

Когда черты ее фантазии,
Ее повадок азиатских
Не превзошли ль разнообразием
Какой-нибудь геенны адской.

Хранили мы тела нетленные,
Как бы застывшие в движении,

Распятые и убиенные
И воскрешенные к сраженьям.

И бледным северным сиянием,
Мерцаньем ледяных кристаллов
Светили мы на расстоянии,
Как бы с какого пьедестала.

За то, что не гнались за модами,
Всю жизнь шагая узкой тропкой,
Что первородства мы не продали
За чечевичную похлебку.

Что мы, пройдя пути Голгофские,
И униженья, и побои,
Вернувшись в улицы московские,
Остались каждый сам собою.

Учениками ли, предтечами,
Предтечами, учениками —
Мы бредили такими встречами,
Как лавровыми венками.

* * *

Нам прямо около дома,
За мельничьим колесом,
Земли отрезали ломоть,
По самый горизонт.

Мы живы не только хлебом.
И утром на холодке
Кусочек сухого неба
Размачиваем в реке.

* * *

Мы спорим обо всем на свете
Затем, что мы отцы и дети.
И, ошалев в семнадцать лет,
В угрозы улицы поверив,
К виску подносим пистолет.
Иль хлопаем на память дверью.
Но отступив от новизны,
В которой чуем неудачу,
Мы видим дедушкины сны,
Отцовскими слезами плачем.

* * *

Четвертый час утра. Он твой — восьмой.
Вечерний час. И день твой — он вчерашний.
И ночь, тебя пугающая тьмой,
Придет сюда, отцветшей и нестрашной.

Она в дороге превратится в день,
Почти что в день. В причудах белой ночи
Деревья наши потеряют тень.
И все там странно, временно, непрочно

Она ясна мне, северная ночь,
Она безукоризненно прозрачна,
Она смогла бы и тебе помочь,
Когда б у вас не красили иначе

На вашей долготе и широте
Она темна и вовсе не бессонна.
Она чужда моей ночной мечте,
Другого цвета и другого тона.

* * *

В этой стылой земле, в этой каменной яме
Я дыханье зимы сторожу.
Я лежу, как мертвец, неестественно прямо
И покоем своим дорожу.

Нависают серебряной тяжестью ветви,
И ярится метель на беду.
Я в глубоком снегу, в позабытом секрете,
И не смены, а смерти я жду.

* * *

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Обух простого топора
Бессмертней кажется пера.
В страну морозов и мужчин,
И преждевременных морщин.
Я вызвал женские черты
Во всем значеньи немоты.
Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И в знак рассвета, в знак зари
Я перстень богу подарил.

* * *

Прохожих взоры привлекает
Старинный русский экипаж,
В нем едет Катя Трубецкая,
Наш героический типаж.

Но за сто лет устали кони,
Возок годится лишь в музей.
Кого сюда любовь погонит,
Каких друзей!

Не повторить им той попытки
И подражанье вовсе зря.

Увы, — в некрасовских кибитках
Им не проехать за моря.

Тут самолеты, пароходы,
Билеты, визы, пропуска,
Нужна тут летная погода,
Нужна старинная тоска.

Не лучше ли за чашкой чая,
Досуга ради, перечесть,
Как губернаторы встречают
Летящую сквозь вьюгу честь.

* * *

Луна, точно снежная сойка,
Влетела в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.

И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя.

* * *

Сколько писем к тебе разорвано!
Сколько пролито на пол чернил!
Повстречался с тоскою черною
И — дорогу ей уступил.

Ты, хранительница древностей,
Милый сторож моей судьбы.
Я пишу все это для верности,
А совсем не для похвальбы.

Про глаза твои с поволокою
Я не буду здесь говорить.
Это было уже, это — Блоково,
А мое — это плакать навзрыд.

* * *

Стой! Вращенью земли навстречу
Телеграмма моя идет,
И тебе в тот же час, в тот же вечер
Почтальон ее принесет.

Поведи помутневшим взглядом,
Может быть, я за дверью стою
И живу где-то в городе рядом,
А не там, у земли на краю.

Позабудь про слова Галилея,
От безумной надежды сгори
И, таежного снега белее,
Зазвеневшую дверь отвори.

Камелия Санрин

(г. Роял Танбридж Велс, Великобритания)

СТРАСТЬ МЕШАЕТ ПОНИМАНИЮ

Когда философы берутся рассматривать человечество как отдельную личность, то неизбежно приходят к выводу о незрелости этой гипотетической личности. Жадность, эгоцентризм, агрессия — качества, присущие маленьким детям. Равно как и потребность в покровительстве. Социум ищет опоры у мудрых, знающих и добрых покровителей. И, неизменно разочаровываясь, яростно низвергает с постаментов, топчет ногами и крушит, видя во вчерашних кумирах — виновников всех своих неудач и разочарований.

Сегодня в этой роли выступает В. В. Путин, до него были Ельцин, Горбачев, Брежнев, Хрущев — и два самых больших разочарования русского народа двадцатого столетия: Николай Второй и Иосиф Сталин. Процесс переосмысления роли личности в нашей истории продолжается. Это, все продолжающееся, исследование полужизненного опыта — необходимая часть взросления.

Новый опыт такого исследования отражен в труде академика Алексея Афанасьевича Яшина «Катехизис идеалиста»*. Новый потому, что эта книга представляет, по сути, анализ личности Иосифа Сталина глазами самого Сталина — объект ретроспективного анализа сам занят идентичным исследованием. Интересен подход автора к осмыслению характера своего персонажа — не с точки зрения исторических событий, а с точки зрения общечеловеческих ценностей: автор рассматривает Сталина не как политическую фигуру, а как уязвимого человека, со своими страстями и добродетелями.

Книга Алексея Афанасьевича Яшина — осмысление культа личности через объяснение его логической исторической целесообразности. Страсти о Сталине долго еще будут бушевать в душах бывших советских граждан. И невозможно людей за это осуждать. Однако, с точки зрения исторического анализа, равно как и литературного, математического и всякого другого — страсть часто мешает пониманию. Равно как мешает пониманию неприязненное отношение автора к своему герою. Материнское отношение полного притяния помогает автору создать правдоподобный портрет героя, позволяющий рассматривать его со всех возможных сторон. С точки зрения психологической достоверности в качестве образца такого отношения выступает Федор Михайлович Достоевский. Читая «Преступление и наказание» невозможно оставаться в стороне — глубина понимания автором Раскольникова такова, что читатель с самого начала безоговорочно понимает, принимает и не осуждает героя.

Иосиф Сталин. Кроважидный маньяк или романтичный идеалист? — в любом случае приведший державу к стабильности и процветанию. Продолжая традиции пи-

---

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

сателей-гуманистов, Яшин склоняется ко второму варианту, позволяя читателю примерять на себя роль человека, прошедшего путь от восторженного юноши, мечтавшего зажечь надежду в сердце каждого бедняка, до одинокого больного старика, в чьих руках судьба огромной империи.

«Катехизис идеалиста» — не повторение общеизвестных исторических фактов, а новый взгляд на судьбу человека, о котором Уинстон Черчилль сказал: «Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают».

